

УДК 343.1
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-122-126

Шарипова Алия Рашитовна
Aliya R. Sharipova

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирский государственный университет (450005, Уфа, ул. Достоевского, 131)

candidate of sciences (law), associate professor of the department of criminal law and procedure, Institute of law

Bashkir State University (131 Dostoevskogo st., Ufa, Russian Federation, 450005)

E-mail: nord-wind23@mail.ru

Единые стандарты судебных актов в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах

Unified standards of judicial acts in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings

Утверждается, что институт судебных актов обладает универсальностью для всех судебных отраслей права. Определяются стандарты, которым должны соответствовать судебные решения, определения, постановления. Раскрываются значения свойств законности, обоснованности, мотивированности, справедливости и правильности судебных решений. Выявляются необоснованные различия законодательных требований к судебным актам в уголовном и арбитражном, гражданском, административном судопроизводствах. Предлагаются межотраслевые заимствования для оптимизации правовой регламентации.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, судебные решения, постановления, определения, законность, мотивированность.

It is alleged that the institution of judicial acts is universal for all judicial branches of rights. Defined standards that must comply with court decisions, rulings, decisions. The values of the properties of legality, validity, motivation, justice and correctness of court decisions are disclosed. Unreasonable differences are revealed in the legislative requirements for judicial and civil, administrative legal proceedings. Intersectoral borrowing is proposed for optimal legal regulation.

Keywords: criminal process, civil process, arbitration process, administrative process, court decisions, decisions, definitions, legality, motivation.

Универсальность института судебных актов (судебных решений, судебных постановлений — по отраслевой терминологии) обусловлена минимум двумя факторами. Во-первых, психологически и логически решения принимаются по одним и тем же правилам. Независимо от названия процессуальной отрасли, суд, принимая решения, анализирует исходную информацию (посылки) и приходит к выводу (заключению). Во-вторых, функции решений одинаковы в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах. Они должны ответить на главные и служебные вопросы, адресуемые суду сторонами и законом,

таким образом, чтобы заинтересованные в исходе дела, вышестоящие суды и неопределённый круг лиц понимали, по каким нормативным и фактическим основаниям эти решения приняты. Совокупность этих причин предопределяет единые стандарты судебных актов во всех процессуальных отраслях.

Только Арбитражный процессуальный кодекс РФ называет в числе требований ко всем судебным актам — судебным приказам, решениям, определениям и постановлениям — законность, обоснованность и мотивированность (ч. 4 ст. 15). Те же требования согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ предъявлены

© Шарипова А.Р., 2020

к определениям суда и постановлениям судьи (ч. 4 ст. 7), но не к приговору.

Гражданский процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ предъявляют только требования законности и обоснованности и только к решениям, а не ко всем судебным актам (ст. 195 ГПК РФ, ст. 176 КАС РФ). Полагаем, что в гражданском процессе оно не названо в числе общих требований из-за существования нормы, позволяющей мировому судье не составлять мотивированное решение по делу, если оно не запрошено заинтересованными лицами. При этом ограничение распространения требований лишь решениями представляется ошибочным.

Возможность заимствования из гражданского процесса составления мотивированного решения по запросу (например, по уголовным делам, подсудным мировому судье) заслуживает обсуждения. Несмотря на то что даже в гражданском и арбитражном процессах у таких нововведений больше противников [1; 2], чем сторонников, недооценивать «бонусы» процессуальной экономии мы не можем. Нужно понять, какие причины заставляют законодателя отказываться от мотивированного решения как атрибута судебного процесса (закон, которым были внесены соответствующие изменения в ГПК РФ, на стадии рассмотрения содержал значительно более широкий перечень дел, по которым мотивированное решение может не составляться [3]).

Полагаем, что при правильном подборе критериев случаев, когда мотивированный акт необязателен (не только стремление разгрузить суд, но и отсутствие реального конфликта сторон, «величина» спора и др.), обсудить применимость этой практики к уголовному процессу допустимо.

Дополнительная характеристика, которую должен иметь судебный документ, — справедливость — в УПК РФ появляется применительно к приговору в статье 297 (но пропадает мотивированность, ожидаемая от определений и постановлений), однако такого требования нет больше ни в каком другом процессуальном законе. Такое положение вещей наводит на несколько одинаково неожиданных гипотез:

1. Разве только в уголовном судопроизводстве, а не во всяком отраслевом проявлении правосудия должен приниматься справедливый итоговый акт?

2. Разве может быть законный, обоснованный и мотивированный приговор несправедливым?

Еще одно интересное дополнительное свойство решений «вскользь» упоминается в ГПК РФ и КАС РФ в однотипных нормах следующего содержания: *правильное* по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним формальным соображениям (ч. 6 ст. 330 ГПК РФ, ч. 5 ст. 310 КАС РФ).

Возникает вопрос, что такое «правильное» решение. Раз его можно отменить, значит оно не в полной мере законное, обоснованное и мотивированное, но если оно не таково, то как можно узнать, что оно верно по существу?

Несмотря на то что в АПК РФ понятия «правильное решение» нет (есть лишь упоминание возможности принятия «неправильного решения вследствие процессуальных нарушений»), арбитражные суды наиболее активно пользуются в актах пересмотра следующей формулой: «неправильный (ошибочный, неверный) вывод суда (правовая оценка, квалификация и др.) не привел к принятию *неправильного* решения». Этот шаблон используется в тех случаях, когда вышестоящая инстанция не согласна с каким-то локальным выводом суда, но поддерживает резолютивную часть проверяемого акта по иным, собственным, аргументам. Очень условно, чтобы не вдаваться в сложные обстоятельства дела, это можно обозначить таким примером. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, поскольку счел договор, на котором они основаны, незаключенным. Апелляционный суд с этим не согласился, признал договор заключенным, но соответствующую сделку — недействительной, что при имеющихся в деле обстоятельствах также влечет отказ в удовлетворении требований.

Похожие формулировки используются и судами общей юрисдикции по гражданским и административным делам.

Мы приходим к выводу, что у судебных решений, помимо законности, обоснованности и мотивированности, есть еще и «неофициальная», но едва ли не важнейшая характеристика — правильность.

Правильность — это свойство умозаключения, приобретаемое им при правильностисылки и соблюдении правил выведения заключения. Но с точки зрения прагматизма судебной практики правильность решения — это всего лишь согласие суда вышестоящей инстанции с формулировкой резолютивной части акта, в том числе при частичном несогласии с формулировками описательной и мотивировочной частей.

Что касается писанных требований к судебным актам, то, несмотря на большую разработан-

ность понятия законности, с точки зрения процессуальных законов она сводится к отсутствию оснований отмены вышестоящими судами, связанных с применением закона. Несмотря на схожесть используемых в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ формулировок соответствующих оснований, УПК РФ не лучшим образом выглядит в этом сравнении. Так, согласно статье 389¹⁵ основанием отмены в апелляционном порядке является неправильное применение *уголовного* закона. Аналогичные нормы в иных процессуальных отраслях упоминают нарушение или неправильное применение норм материального права (ст. 270 АПК РФ, ст. 330 ГПК РФ, ст. 310 КАС РФ). И.С. Дикарев отмечает, что при обнаружении нарушения норм гражданского права при разрешении гражданского иска суды при пересмотре уголовных дел вынуждены ссылаться на нарушение норм уголовно-процессуального права как на основание отмены. В связи с этим он предлагает соответствующие законодательные изменения [4, с. 267—268]. Мы полагаем, что неправильное применение норм материального права, помимо уголовного, может быть не только в части гражданского иска, но и по огромной массе бланкетных диспозиций норм УК РФ. И значит, УПК РФ должен предусматривать указанное основание отмены подобно остальным процессуальным кодексам.

Законность — ключевое свойство судебных решений, ибо они и есть то, чем суд утверждает закон в реальности. При этом масса решений ежедневно отменяются по мотиву несоответствия закону, то есть признаются незаконными. Выходит, что каждый суд и судья выносят незаконные решения? Как это совместить с авторитетом суда и его правом судить?

Несмотря на то что мы ожидаем от суда законных актов, в действительности мы можем рассчитывать лишь на *субъективно законные* решения. Такими мы их называем, когда они вынесены на основе квалифицированной убежденности суда в их законности, то есть при собственной вере в их законность, основанной на его профессионализме.

Обоснованность решений это их основанность на имеющихся в материалах дела доказательствах, следовательно, проверить обоснованность можно только по материалам, а не по самому решению.

Мотивированность наиболее неоднозначная характеристика решений, этому способствует как объективная размытость этого термина, так и недостатки законодательной техники, встречающиеся в кодексах.

При том что мотивированность требуется от всех уголовно-процессуальных решений, мы понимаем, что уровни ее различны. Очевидно, что максимальной степени мотивированность достигает в окончательных судебных актах, разрешающих дело по существу, а минимальная (но не нулевая) присуща необжалуемым актам. Какие-то «средние» уровни у всех остальных, промежуточных решений, особенно это касается актов досудебного производства. Так, например, мотивировать привлечение конкретного лица в качестве обвиняемого в постановлении об этом по статьям 171, 172 УПК РФ необходимо, а приводить доказательства виновности — нет.

Общее требование мотивированности, содержащееся в УПК РФ, несколько размывается и обесценивается дополнительным его упоминанием в некоторых нормах, посвященных отдельным актам. Так, в статье 6¹ упоминается «мотивированное постановление» председателя суда по результатам рассмотрения заявления об ускорении, такая же формулировка используется в целом ряде норм, касающихся досудебных стадий. Как правило же, используется фраза «выносит постановление», без дополнительных уточнений (ст. 54, 59, 101 и др.)

Полагаем, что дополнительное подчеркивание мотивированности излишне и только дезориентирует правоприменителя. Более того, используется оно в основном в отношении актов органов предварительного расследования, и это подчеркивает существующую проблему: как бы нам ни хотелось распространять императивное предписание части 4 статьи 7 УПК РФ на все без исключения процессуальные акты, ожидание одного и того же уровня законности, обоснованности и мотивированности от решений суда и решений любого другого органа или лица нереалистично.

Существенным является вопрос о том, что именно должен мотивировать суд. Мы видим в существующих процессуальных законах два подхода к структуре мотивировки.

Так, в статье 168 АПК РФ в перечне того, что оценивает суд при принятии решения, первыми названы доказательства и доводы, приведенные лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений. Аналогичное положение содержится в статье 198 ГПК РФ. Это означает, по нашему мнению, что мотивировка (аргументация) суда в большой степени зависит от позиций сторон, именно их суд оценивает, объясняя в решении, почему принимает или отклоняет аргументы лиц, участвующих в деле.

Иная схема аргументации принятого решения заложена в УПК РФ, где об оценке судом доводов сторон в приговоре речи нет; статьи 305 и 307 предписывают суду указать лишь на мотивы отвержения им каких-либо доказательств. Понятно, что предмет доказывания по уголовному делу всегда строится по единой определенной законом схеме, тогда как в гражданских делах существует великое разнообразие исков (в широком смысле). В связи с этим ни в АПК РФ, ни в ГПК РФ указать так точно, как в статье 299 УПК РФ, вопросы, на которые нужно ответить суду по всякому делу, невозможно. Но, с другой стороны, эта «предопределенность» предмета доказывания как будто делает суд в уголовном процессе автономным от того, что до его сведения хотят донести стороны. Он может игнорировать какие-то «локальные» споры сторон, в особенности связанные с вопросами применения права, но не напрямую, не такого уровня, который предопределяет квалификацию преступления или подобный важнейший вопрос дела, а тот, что влияет на установление какого-то элемента предмета доказывания опосредовано (то, что в уголовно-процессуальной теории доказательств принято называть промежуточными фактами).

Считаем, что отсутствие прямого указания в УПК РФ на необходимость суду оценивать в приговоре (и как минимум во всех иных окончательных актах) доводы сторон, является серьезным недостатком, наносящим ущерб состоятельности.

Вообще оценка доводов — слабая сторона судебных актов всех видов судопроизводства. Часто применяемая судами «уловка» в отношении доводов сторон — фигура умолчания; поскольку среди оснований отмены судебного акта нет отсутствия оценки доводов, приведенных сторонами, постольку суду «выгоднее» вовсе проигнорировать какой-то спорный момент, чем дать ему потенциально неправильную оценку. Пример (который мог бы быть в любом из рассматриваемых нами судопроизводств): стороны спорят о том, являются ли два лица аффилированными (взаимозависимыми), подпадают ли они под спорно трактуемые положения Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и нужно ли его применять, или следует руководствоваться положениями Налогового кодекса РФ. В судебном акте (каким может быть и приговор, и решение) суд ничего не упоминает об этом споре, подразумевая, что это неважно, как бы он ни был решен, хотя стороны считают, что от его решения исход дела зависит.

Игнорирование этого столкновения доводов сторон судом снижает вероятность того, что вышестоящая инстанция вообще обратит внимание на наличие этого столкновения, тогда как задача оценки требует от суда как дополнительных интеллектуальных затрат при составлении судебного акта, так и увеличивает риск того, что избранная позиция не совпадет с мнением пересматривающего дело суда и приведет решение к отмене.

Качественный пересмотр решений имеет прямую зависимость от их мотивированности: чем больше «умолчаний» в них, тем больше вероятность, что ошибки не будут замечены. Следуя за мыслью П.А. Лупинской о том, что формально-логически решение — это умозаключение [5, с. 42], мы должны признать, что оценить истинность заключения в нем можно, только зная все посылки.

Правила логики утверждают, что посылки должны иметь смысловую связь, чтобы быть положенными в основу вывода. Экстраполяция этого правила на судебные акты нужна для определения того, на все ли доводы сторон обязан реагировать суд в своем решении, и если смысловой связи с важными для вынесения резолюции суждениями у них нет (т. е. суд ее не усматривает), то и оценивать их нет необходимости. Доводы сторон могут быть откровенно неотносимыми к делу (некорректные аналогии права), ошибочными (неверное толкование правовых норм) или по другим причинам недостаточно весомыми. Освобождает ли это суд от необходимости оценивать их? Нужно ли тратить время и силы для опровержения очевидного?

Как правило, суды ограничиваются формулировками такого типа: «иные доводы стороны основаны на неверном толковании закона» без всякой конкретизации. Полагаем, что эта «галочка» ставится только ради того, чтобы формально оценить все доводы, хотя очевидно, что мотивированности таким заключениям не достает.

С точки зрения УПК РФ законность, обоснованность и мотивированность обычных приговоров и тех, что вынесены в порядке главы 40 и 40¹, одни и те же. Но в действительности все три важнейших свойства судебных решения у этих окончательных актов своеобразно выражены.

В обоих особых порядках на первом месте — целесообразность и процессуальная экономия, и не отразиться на качестве соответствующих приговоров это просто не может.

Мы вполне согласны с ситуацией, когда у особого порядка «особые» мотивирован-

ность и даже обоснованность. Подобно тому, как в части 4 статьи 170 АПК РФ сказано, что в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части решения может быть указано только на признание иска и принятие его судом, уголовному процессу следовало бы открыто признать, что приговоры, вынесенные в особом порядке, основаны только на согласии подсудимого с предъявленным обвинением (или на его сделке), а не на исследованных доказательствах.

Закрепление этого на уровне законоположения, помимо прочего, сняло бы вопрос о преюдициальном значении приговоров, постановленных в порядке глав 40 и 40¹ УПК РФ. Критика подобной преюдиции регулярно звучит и в научной литературе [6—8] и высказывается заинтересованными лицами в том числе при обращениях в Конституционный Суд РФ [9]. Если сейчас статья 90 позволяет принимать обстоятельства, установленные ими, без доказывания, то тогда не было бы никаких «установленных обстоятельств».

Межотраслевой анализ требований, предъявляемых к судебным актам, открывает новые возможности для оценки эффективности нормативно-правовой регламентации всех видов правосудия. Некоторые отраслевые отличия этой регламентации лишены объективных оснований, затрудняют понимание, а значит и использование на практике судебных актов, каждый из которых исходит от государственного органа судебной власти и в той или иной мере способствует укреплению либо, напротив, умалению авторитета правосудия, независимо от его отраслевой принадлежности. Сказанное позволяет утверждать о существовании и необходимости развития системы единых межотраслевых стандартов судебных актов.

Примечания

1. Лебедь К.А. Содержание решения суда как процессуального документа // Современное право. 2019. № 12.
2. Пирко Г.О. Упрощение гражданского судопроизводства: вектор развития // Юрист. 2019. № 11.
3. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7> (дата обращения: 23.03.2020).
4. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. 478 с.

5. Lupinskaya P.A. Resolutions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd ed., revised and supplemented. M.: Norma, 2010. 240 p.

6. Brester A.A. On the erroneous assignment of a special procedure for the adoption of judicial decisions to criminal procedural activities. *Actual problems of Russian law*, 2015, no. 12.

7. Azarenok N.V. Evolution of criminal procedural proof of a person's guilt in the "main" criminal case when concluding a pre-trial agreement on cooperation (on the 10th anniversary of the introduction of Chapter 40¹ of the Code of criminal procedure of the Russian Federation). *Criminal law*, 2019, no. 4.

8. Lopatin S.A. Prejudice in the criminal justice of the Russian Federation: implementation or overcoming: monograph / ed. L.N. Maslennikova. Moscow: Norma Publ., 2019. 208 p.

9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 24, 2019 no. 2865-O. Access from the reference legal system "Consultant Plus" (accessed 23.03.2020).

References

1. Lebed K.A. The content of the court decision as a procedural document. *Modern Law*, 2019, no. 12. (In Russ.)
2. Pirko G.O. Simplification of civil proceedings: development vector. *Lawyer*, 2019, no. 11. (In Russ.)
3. The system of legislative support. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7> (accessed 23.03.2020). (In Russ.)
4. Dikarev I.S. Supervisory and cassation form for reviewing court decisions in criminal proceedings: theoretical foundations and ways to improve Dissertation... doctor of legal sciences. Volgograd, 2016. 478 p. (In Russ.)
5. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Norma Publ., 2010. 240 p. (In Russ.)
6. Brester A.A. On the erroneous assignment of a special procedure for the adoption of judicial decisions to criminal procedural activities. *Actual problems of Russian law*, 2015, no. 12. (In Russ.)
7. Azarenok N.V. Evolution of criminal procedural proof of a person's guilt in the "main" criminal case when concluding a pre-trial agreement on cooperation (on the 10th anniversary of the introduction of Chapter 40¹ of the Code of criminal procedure of the Russian Federation). *Criminal law*, 2019, no. 4. (In Russ.)
8. Lopatin S.A. Prejudice in the criminal justice of the Russian Federation: implementation or overcoming: monograph / ed. L.N. Maslennikova. Moscow: Norma Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 24, 2019 no. 2865-O. Access from the reference legal system "Consultant Plus" (accessed 23.03.2020) (In Russ.)